

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/261168>

Лель (русская яойная сказка)

Направленность: Слэш

Автор: Mikka_Loitonnen (<https://ficbook.net/authors/107121>)

Фэндом: Ориджиналы

Пейринг или персонажи: м/м

Рейтинг: R

Жанры:

Размер: Миди, 13 страниц

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Сказка - ложь, да в ней намек...

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Баловство да шалости. С каждой сказки по нитке - вот и сплелась история.

Хронология:

Первая сказка - От судьбы не уйдешь

Вторая сказка - Лель

Третья сказка - Пёрышко

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки были молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жили-были старик и старуха, и было у них три сына. Младшего звали Иванушка. Жили они – не ленились, целый день трудились, пашню пахали да хлеб засевали.

Разнеслась вдруг в том царстве-государстве весть: собирается чудо-юдо поганое на их земли напасть, всех людей истребить, города-села огнем спалить. Затужили старик со старухой, загоревали. А старший сын утешает их:

- Не горюйте, батюшка и матушка, пойдем мы на чудо-юдо, будем с ним биться насмерть.

Затужили старик со старухой пуще прежнего. Где это видано – сыновей, родных кровиночек, на лютую смерть отправлять. Не смог смотреть Иванушка на слезы родительские, вышел вперед и молвит:

- Благослови, батюшка, меня на чудо-юдо поганое идти. Старшие братья мои молоды да пригожи, и силой и умом удались, а я слабый да хилый, ни толочь, ни пахать не умею. Посмотрит чудо-юдо что не богатырь перед ним, посмеется, а я, авось, его хитростью одолею.

Потужили родители, погоревали, да делать нечего – напекли подорожников, распростились, и отправился Иванушка в путь-дорогу. А старшие братья и рады – давно невзлюбили они Иванушку за то, что, хоть силой и ростом не вышел, а умный был и добрый. Лицом – словно девица, нравом – тихий да скромный. А что в молодецких забавах участие не принимал, железные дубины в чисто небо не подбрасывал и жернова в сыру землю не загонял, так не по нему это. Не лежит душа к забавам молодецким.

Шел Иванушка, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли – зашел в глухой, темный лес. И началось тут великое ненастье: пошел сильный дождь с градом. Полез Иванушка на самый матерый дуб – от бури хорониться, а там, на суку, гнездо. В гнезде птенцы пищат. Холодно им, бьет их градом, дождем мочит. Жалко стало Иванушке птенцов; снял с себя кафтан, покрыл им гнездо и сам укрылся. Покормил птенцов из своих дорожных запасов. Много ли, мало ли прошло время – унялась буря-непогода, показалось солнышко.

И вдруг опять все кругом потемнело. Шум пошел. Налетела большая птица Магай и стала бить, клевать Иванушку. Заговорили тут птенцы:

- Не тронь, матушка, этого человека! Он нас своим кафтаном укрыл, накормил, от смерти спас.

- Коли так, - молвит птица Магай, - прости меня, добрый молодец, я тебя за лихого человека приняла. А за то, что моих детей накормил, да от ненастья укрыл, я тебе добром отплачу. Возле дуба кувшин зарыт; отпей из того кувшина ровно три глотка – и увидишь, что будет.

Спустился Иванушка наземь, выкопал кувшин из земли и отпил ровно три глотка.

Спрашивает птица Магай:

- Ну, как, чувствуешь в себе перемену?

- Чую силу в себе большую, кабы вкопать в землю столб, так перевернул бы землю-

матушку.

- Ну, теперь ступай, да помни: силой своей попусту не хвались, на злые дела ее не растрачивай, а коли беда приключится, что сам справиться не сможешь, зови меня, помогу тебе за детей моих.

И опять потемнело все кругом; расправила птица крылья, поднялась над лесом и улетела.

Вышел Иванушка из лесу и в скором времени пришел к самой реке Смородине, к калиновому мосту. Смотрит, а под ракитовым кустом сидит молодец красы несказанной и печально так вздыхает. Подошел Иванушка поближе, поклонился и спрашивает:

- Что ты, добрый молодец, печалишься, что вздыхаешь? Али беда какая приключилась? Может, я чем подсобить смогу?

Поднял молодец очи свои светлые, будто небо, ясные, посмотрел на Иванушку и молвит:

- Никакая беда со мной не приключилась, добрый человек. А грустно мне потому, что идти мне некуда, никого у меня нет, один я на белом свете. Вот сюда пришел, может чудо-юдо поганое съест меня, да и закончится моя печаль.

Нахмурился Иванушка от речей таких, больно люб ему показался молодец.

- Не гоже, - говорит, - сидеть тебе у моста калинового, дожидаться смерти лютой.

Пойдем со мной, разыщем чудо-юдо и убьем, чтобы не смело больше на наши земли нападать, города-села огнем палить.

Смотрит молодец на Иванушку и улыбается:

- Стало быть, ты с чудом-юдом биться пришел. А, может, нету его более. Я сам тут третий день сижу, не было никого. Может, зря люди болтают?

Тепло стало на душе у Иванушки. Только, али от сказанного, али от улыбки милой разбираться он не стал.

- Тогда, - молвит, - пойдем дальше странствовать. На людей посмотрим, себя миру покажем. Все равно мне дома жизнь не мила. Авось, в дороге, в чужих краях мне лучше будет.

- Отчего же, - отвечает молодец, - пойдем. Только уговор один – коли хочешь со мной странствовать, имя мое не спрашивай и про жизнь мою рассказывать не проси.

Согласился Иванушка и пошли они дальше вместе. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Долгая дорога была да пролетела она для Иванушки незаметно, в разговорах. Больно много всего знал добрый молодец: и где какой народ живет, и по каким дорожкам неведомые звери ходят, и какие травы от чего помогают. Только диву давался Иванушка, что жил столько и не знает ничего, а еще не мог налюбоваться на спутника своего, вот уж где краса – не в сказке сказать, ни пером описать. Не мог не замечать и молодец Иванушкиных взглядов – то собьется на полуслове, очи в землю потупит, то улыбнется, украдкой и сам Иванушку разглядывая. За разговорами да переглядываниями не заметили, как ночь наступила. Иванушка так и шел бы дальше, да спутник его совсем запинаться начал, а под конец вообще остановился и очи свои ясные закрыл. Спыхватился Иванушка, давай на ночь устраиваться. Натаскал веток, листьев набросал, мох разложил, а сверху, для пущей мягкости, кафтан свой расстелил. Уложил добра молодца на ложе самодельное, а сам рядышком на сырой земле растянулся.

Только кулак под голову подложил и спать собрался, как тронул его молодец за плечо и молвит тихонько:

- Что ж ты, Ванюша, на землю-то холодную лег. Не дай Бог, еще застудишь себе чего.

Мне тебя потом выхаживать. Ложись рядышком, нам двоим тут места хватит.

Любо стало Иванушке, что о нем так заботятся, перебрался он к молодцу, лег на листья да мох мягкие. Молодец возле него пристроился, близко-близко, а потом и вовсе к Иванушке притулился, да руку на его плечи положил. Уснул Иванушка радостный да счастливый, сам не зная отчего.

Под утро снится Иванушке сон дивный – будто кто-то его милует да оглаживает, да в уста зацеловывает. Открыл Иванушка очи ясные и тотчас же прекратились ласки.

Смотрит, а его добрый молодец рядышком сидит, на Иванушку не смотрит, очи в землю потупил, щеки огнем горят.

- Прости, - говорит, - меня, Ванюша. Не утерпел я. Больно люб ты мне, сил моих никаких нет. Целовать тебя хочу, миловать. Хочу, чтоб взял ты меня, как девку, как жену свою брать будешь.

Слушает Иванушка речи сладкие да бесстыдные, а сам слова вымолвить не может.

Только истолковал его молчание молодец по-своему. Изменился в лице, поднялся.

– Прости меня. Не серчай. Вижу, противен я тебе. Я и сам себе теперь противен. Пойду я.

Вскочил Иванушка, к молодцу подбежал, обнял, прижал к себе.

- Ну что ты, дурной. Не видишь, что ли, как люб мне.

Опустил молодец очи доле, покраснел, да поближе и прижался.

Отвел его Иванушка назад, на ложе их мягкое, от рубахи избавил, стал ласкать да целовать, речи жаркие нашептывать:

- Какие девки, какая жена? Во сто крат сильнее и слаще любить тебя буду. Огнем из-за тебя горю, сокол мой ясный.

Разметался молодец под Иванушкой, принимает ласки горячие, стонет еле слышно. От стонов тех еще жарче становится, еще слаще. Нет мочи оторваться от груди молодецкой, от тела его молодого. Целует Иванушка уста медовые, оглаживает плечи да спину крепкую, а как руку меж ягодич пустил, взмолился молодец:

- Нет мочи, Ванюша. Возьми уже меня, да не тяни, помру сейчас, - обхватил рукою плоть Иванушкину, и в себя направил, - Бери-и-и, - простонал и до конца сам насадился.

Словно околдовал кто Иванушку. Прижал он к себе молодца крепко, поцелуем в уста впился, двинул бедрами раз, другой... Услышал стон долгий. А после уже не мог остановиться, толкался раз за разом, целовал, куда приходилось, сжимал руками талию тонкую, стонал и сам, перемежая стоны речами бессвязными. Обхватил рукою уд молодецкий, сжал несильно. Забился под ним молодец птицей пойманной, застонал-закричал и оросил ложе своим семенем. Иванушка толкнулся поглубже еще раз, и сам последовал за соколом своим ясным.

Растянувшись на ложе своем, помаленьку отдыхали они от ласк жарких. Обнимает Иванушка молодца своего ненаглядного, целует легонько, то в уста, то в щечку, то в шею.

- Имя твое не буду спрашивать, раз слово дал. Лучше сам назову тебя.

- Назови, - соглашается молодец, - как звать будешь?

- Лелем нареку. Отзовешься, коли позову так?

- Отзовусь, - молвил, и к Иванушке снова прижался. Поцеловал в уста, уложил на спину да сам сверху и взобрался. За ласками да оглаживаниями, не заметил Иванушка, как снова опустился Лель на плоть его восставшую.

- Как хорошо, Ванюша, как любо, - шепчет, и с места не тронется. Любуется Иванушка Лелем своим, насмотреться не может. Щеки покраснелись, горят, очи сияют, язычок меж уст мелькает, то одну лизнет, то другую. Не выдержал Иванушка, толкнулся бедрами, а Лель словно только того и ждал. Уперся руками о грудь Иванушкину, и давай то вверх подниматься, то вниз опускаться. Сладко, но больно медленно. Словно спешить ему некуда. А Иванушке совсем невтерпеж стало. Схватился руками за бедра молодецкие, плоть свою глубже вогнал, стон-крик в награду выслушал. А после, перевернулся, под себя Леля подмял, ножки ему развел и, подивившись своему бесстыдству, лизнул языком горячую, твердую плоть. Захлебнулся стоном Лель, обхватил его ногами, вперед подался: - Ванюша, Ванюша, - шепчет, и еще что-то бессвязно. Вбивает Иванушка уд свой в него, - горячо, тесно, сладко. Прижался тесно, обнял своего Леля крепко-крепко, только бедрами двигает, с каждым разом быстрее и быстрее. Забился Лель в его руках, выгнулся и закричал, не в силах выносить муку сладкую. Тотчас же к нему добавился и Иванушкин долгий стон. Как опустились они, утомленные на ложе, так и уснули, обнимая друг друга.

Так и не продолжили они в тот день путь свой неблизкий. В ласках да неге пронеслось время до вечера. Иванушка еще на промысел ходил, зверя лесного поймал, подивившись силе своей необыкновенной, накормил Леля, да и утащил его вновь на ложе их любимое. А тот и сам не против, только выгибается в его руках, да прижимается поближе. Уснули только к рассвету, а утром вновь в долгий путь отправились. Дорога теперь еще радостнее стала: то один улыбнется, то другой; остановит Лель Иванушку, поцелует его быстро в щеку, шепнет: «Догони», и прочь, в кусты бросится. Догонит его Иванушка, поймает, обнимет крепко, да и зацелует всего. За забавами да поцелуями не заметили как из лесу-то и вышли. Смотрят, а вдоль дороги шатры белые раскинуты.

- Давай поглядим, кто в тех шатрах обирает, - молвит Иванушка. Лель его отговаривает: - Не нужно, Иванушка. Давай мимо пройдем. Кто знает лихие люди, али хорошие. Не послушал его Иванушка, не побоялся лихих людей, подошел поближе. Ну, и Лель за ним, с неохотой последовал.

Выходит из тех шатров к ним навстречу Марья Моревна, прекрасная королевна.

- Здравствуй, добрый молодец. Куда тебя Бог несет – по воле аль по неволе?

Отвечает ей Иванушка:

- Добрые молодцы по неволе не ездят.

Посмотрела на него Марья Моревна, приглянулся ей Иванушка. Решила королевна для себя его оставить. А вот второй молодец ей ни к чему. Задумала она его извести.

- Ну, коли дело не к спеху, погостите у меня в шатрах. На подушках мягких поспите, угощений редких отведаете, а утром дальше отправитесь.

- Что скажешь, Лель, - обернулся Иванушка к спутнику своему, - погостим в шатрах, отдохнем на мягком? Оно всяко лучше, чем на сырой земле.

Лель поглядел на него и молвит:

- Не нужно, Иванушка. Давай дальше пойдем. А на ночь ты снова нам ложе сделаешь, мне прошлое понравилось, - сказал, и покраснел, как маков цвет.

Не послушал его Иванушка, согласился переночевать в шатрах белых, на подушках

мягких. Очень хотелось ему, чтобы Лель его не на земле твердой, а на подушках понежился. Ничего не сказал на то Лель, последовал за ним с неохотой. Завела их Марья Моревна в шатры белые, велела принести кушанья невиданные. Усадил Иванушка Леля на подушки, лебяжьим пухом набитые и давай его угощать, яствами да лакомствами кормить. Смеется Лель, угощение принимает, а у самого на душе тревожно, беспокойно, будто зверь дикий когтями царапает. Снова просит Лель Иванушку:

- Давай уйдем, в лесу заночуем. Тревожно мне, Ванюша. За тебя, да за нас с тобой боюсь.

Не слушает Иванушка речей вещей. Не боится ничего со своей-то силою могучею. А то и забыл, что не только силою извести можно; слово и дело пуще меча ранить могут. Обнял Леля своего, кудри его перебирает ласково, да целует нежно. Успокаивает себя Лель: «Может и обойдется. Не даст меня в обиду Ванюша».

Посмотрела на них королева и вышла из шатра. Прошла босой по вечерней росе, заиграла в серебряную дудочку и явилась ей белая кобылица. Достала королева золотой гребень, чешет ей гриву и приговаривает:

- Подскажи, моя белая кобылица, как привязать к себе Иванушку, как разлучить его с Лелем. Помоги, подскажи, моя белая кобылица.

- Не велико дело, помогу тебе, - отвечает белая кобылица, да и научила королеву как Иванушку к себе привязать, да с Лелем разлучить.

Утром вошла в шатер Марья Моревна, глядит, а Лель у Иванушки на груди спит и руками его во сне обнимает. Разбудила она Иванушку и молвит:

- Что же ты, добрый молодец, крепко спишь, а лиха под боком и не видишь?

- Что ты, Марья Моревна? О каком лихе ты мне рассказываешь? – спрашивает Иванушка. А тут и Лель проснулся, глядит на королеву вопросительно. Усмехнулась Марья Моревна и продолжила:

- Змею на груди ты пригрел, Иванушка. Знаешь, кто подле тебя сейчас сидит, кого ты во сне к себе прижимаешь?

- Лель это мой, али не видишь королева? – глянул Иванушка на спутника своего, а тот лицом белее мела сделался, очи в землю потупил и сидит, не шелохнется.

- Ты Лелем зовешь того, кого весь белый свет чудом-юдом поганым называет.

Рассмеялся Иванушка:

- Али белены объелась, королева? Какое же это чудо-юдо? Разве может он на земли нападать, города-села сжигать и людей всех истреблять?

- Не смейся, Иванушка, - молвит тихо молодец, - чистая правда это. Я чудо-юдо поганое. Семья от меня отвернулась - уродец я. Ни в отца, ни в мать не пошел. На человека похожим родился. Ушел я из дома родного, да нигде долго не задерживался. Гнали отовсюду, только проведая, кто я. Один ты со мной по своей воле заговорил, к себе подпустил, любить себя дозволил, да и то, всей правды не ведая. А коли знал бы, еще на речке Смородине зарубил бы. Ну, может, оно и к лучшему-то было. Не знал бы тогда я какой ты. Взгляни на меня, Иванушка, - поднял голову чудо-юдо, - скажи, чтоб остался я с тобой, коли твоя на то воля!

Смотрит на него Иванушка, слова вымолвить не может. Разве мог его Лель оказаться чудом-юдом поганым?! Выходит, он дурачил его все время. Околдовал, заморочил, сбил добра молодца с пути истинного. Задумался Иванушка крепко и слова-то чудо-юдовы пропустил. Истолковал снова чудо-юдо его молчание по-своему и пошел прочь из шатра.

- Прощай, Ванюша. Не видеть мне тебя больше. Прощай.

Встрепенулся Иванушка, выбежал за ним, догнать, воротить хотел, да только не нашел нигде чудо-юдо, - пропал он, будто и не было его вовсе.

Закручинился молодец, понял, что в уходе чуда-юда его вина была. Кабы кинулся за ним, кабы догнал, а еще лучше, кабы прижал к себе, да и повелел остаться, никуда бы не ушел Лель. Ведь понял уже, что не разорял его чудо-юдо земель и городов русских, не истреблял людей. Стал Иванушка думать думать, как чудо-юдо отыскать да назад воротить. А Марья Моревна рядом вьется, утешает, плачет, вину свою признает да прощения просит. Простил ее Иванушка, а ей того и надо. Крепко решила королева Иванушку подле себя оставить. Приказала служанкам вино заморское принести, да зелья в то вино и подмешала, чтобы забыл поскорее Иванушка тоску свою смертную, печаль по чуде-юде поганом. Взяла его Марья Моревна в свое королевство, да и забыл Иванушка Леля, чудо-юдо свое ненаглядное. Забыть-то забыл, да только временами ему казалось, что плачет по нему кто-то, имя его называет. Заходило тогда сердце у Иванушки, рвалось куда-то, а вот только куда он вспомнить не мог.

Пожили они с королевной сколько-то времени, и вздумалось ей на войну собираться. Покидает она на Иванушку все хозяйство и приказывает:

- Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не заглядывай.

Не вытерпел Иванушка: как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул – а там, на двенадцати железных цепях к стенам да к полу прибитым, висит молодец. Волосы как смоль черны, до пола спускаются, тощий весь, будто не кормили его вовсе, телом, как степняк, смуглый. Голову поднял, огнем очей черных опалил и просит:

- Сжался надо мной, дай мне воды напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил – совсем в горле пересохло, едва жив.

Иванушка подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил:

- Мне одним ведром не залить всей жажды. Дай еще!

Подав ему Иванушка другое ведро. Тот выпил и запросил третье; а как выпил третье ведро, взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

- Спасибо тебе, Иванушка, что меня из заточенья вызволил. Десять лет держала меня тут Марья Моревна проклятая. Десять лет из-за меня Белый Полянин с Бабой Ягой воует, с коня не слезает. Обманула его Марья Моревна, хитростью меня выманила, похитила, в чулане заточила, а вину всю на Бабу Ягу перевела. Что я здесь томлюсь, Белый Полянин и не ведает. Не с тем лихом борется.

Подивился Иванушка коварству Марьи Моревны и спрашивает:

- Кто ты добрый молодец? Кого же я из темницы вызволил, коли из-за него сам Белый Полянин на Бабу Ягу войной пошел?

Усмехнулся молодец, смотрит на Иванушку, черным взором своим пронизывает:

- А что ж ты, прежде чем воды мне дать, имя мое не спросил? Кого хошь мог вызволить. Злом за добро твое отплатить тебе могли. Ну, да ладно, не волнуйся, Иванушка, вреда тебе от меня не будет. Имя свое тебе я назову, коли не испугаешься, может, и помогу чем. Кощей Бессмертный я. Слышал про такого?

- Слышал, - отвечает Иванушка, а сам очей от Кощей отвести не может. Не думал он, что сила нечистая облик такой имеет. Хоть и худой да тощий, а статным и пригожим Кощей оказался. Коли отмыть да причесать – молодец на загляденье будет.

- Нравлюсь? - улыбается Кощей.

- Диву даюсь, - пожал плечами Иванушка, - а нравишься ли... Чует сердце – не моя ты пара. Да и не хочется на себе гнев Белого Полянина испытывать. Вроде и смеется Кощей, а очи коршуном по Иванушке прошлись. Аж в дрожь кинуло. - Ответь мне, Иванушка, по своей ли ты воле здесь? - спрашивает, а сам с него очей не сводит. Словно до сердца достает и в душу заглядывает. Только хотел Иванушка «по своей» ответить, как почудилось ему, будто кричит кто диким криком да плачем: «Не по своей, Ванюша! Не по своей воле!» Вздрогнул Иванушка, сердце бесноватое вскачь пустилось, в глазах помутилось, вот-вот что-то важное вспомнит, вот-вот ответ отыщет – кто чудится ему постоянно. Да крепки были чары колдовские, дюжее зелье королева сварила – ничего не вспомнил Иванушка. Прошла напасть, лишь в висках заломило, да чело железным обручем сдавило. - Вроде бы не по своей, - будто через силу молвит Иванушка, - чудится мне, будто кличет меня кто-то. Не тут я быть должен. А где, и кто кличет, того не ведаю.

Покачал головой Кощей, подошел к Иванушке, рукою тонкой по челу провел – полегчало добру молодцу. Не сжимает больше голову обруч железный, не ломит, не давит, можно воздуха чистого глоток сделать, на мир ясным взором посмотреть.

- К Белому Полянину идти тебе следует. Спадут у нас во дворце чары лихие, память к тебе воротится, - прислушался к чему-то Кощей, нахмурился, - Теперь уходить нам нужно. Спешит домой Марья Моревна. Проведала она, что ты меня вызволил. Не убежим – останемся с нею до веку. Унес бы я нас отсюда, да, боюсь, не хватит силушки на двоих. Слаб я еще. Во двор выйдем, лошадей оседлаем и в путь отправимся. Успеть бы только. - Успеем, - отвечает на то Иванушка, - только не во двор выходить нам надобно, а на самую высокую башню подниматься. Тогда и выбраться сумеем.

Понял Кощей Бессмертный, что замыслил что-то Иванушка, провел его на самую высокую башню. С башни той далече видать. Смотрит Иванушка на горизонте пыль столбом стоит, солнце собой закрывает – спешит домой Марья Моревна, не хочет, окаянная, живыми на волю их отпускать.

Кликнул тут Иванушка громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

- Явись мне, птица Магай! Исполни обещание свое, выручи из беды лихой, избавь от смерти лютой! Отнеси нас ко дворцу Белого Полянина!

Потемнело небо. Шум пошел. Прилетела птица Магай, ухватила Иванушку да Кощей и понесла в когтях своих. А как поравнялись они с Марьей Моревной, как глянет Кощей Бессмертный на нее – упала замертво Марья Моревна. Отомстил Кощей за десять лет разлуки с Белым Полянином, за тоску свою смертную, да за каждую рану, что Белый Полянин в войне с Бабой Ягой получил.

Принесла птица Магай их во дворец, как просил ее Иванушка, опустила на землю, и к птенцам своим воротилась.

Быстро отыскали они Белого Полянина – тот во дворе как раз на коня садится, воевать с Бабой Ягой собирается. Глядит Иванушка – и впрямь, весь белый Полянин, не зря прозвали его так люди – кудри длинные, как молоко цветом, кожа белая да гладкая, а как обернулся к ним Полянин, узрел Иванушка очи его - цвета стали меча булатного. Как увидел Белый Полянин Кощей Бессмертного, так вожжи из рук и выпустил. - Ты... ты... предо мною..., - шепчет, а сам за коня ухватился, еле на ногах держится.

Подивился Иванушка - после разлуки долгой, разве так встречаются? Вспомнил, как радостно подбегали их девки деревенские к воротившимся, али с похода, али с битвы; смех, визг, гам такой стоял – уши закладывало. Как братались молодцы, как крепко по плечам друг друга били. Вот это встречаение! А тут...

Кощей Бессмертный тихонько к Белому Полянину подошел, руки его бледные разжал, в свои схватил и к устам поднес.

- Воротился я, - едва слышно, - примешь?

Обнял его Белый Полянин, ни слова не сказал, прижал к груди своей крепко-крепко. А после, поднял на руки, и во дворец понес. Сдалось Иванушке, что не заметил его Белый Полянин вовсе, Кощеем своим увлеченный. Порадовался за них молодец, а самому на душе тоскно - захотелось и на себе любовь такую испытать. Тут вспомнил он слова Кошеевы, что здесь память к нему воротиться должна, и пошел по дворцу гулять, комнаты да коридоры разглядывать. Ходит Иванушка, осматривается, а у самого из головы увиденное не идет. Как обнимал Белый Полянин Кощея, как крепко прижимал его к груди своей широкой, как поднял на руки бережно и понес, никого и ничего вокруг не видя, и не слыша.

Дошел до какого-то коридора Иванушка, налево, направо повернул и, вдруг, слышит, из-за двери одной стоны да вздохи раздаются. Вот вскрик послышался. И еще громче стоны пошли. Замер Иванушка, заалели щеки, тепло по телу волнами разлилось. Представил, что там Полянин с Кошеем вытворяют, смутился и назад повернул. Не гоже за страстью любовной подсматривать да подслушивать.

Погулял еще Иванушка по дворцу белокаменному, да и рассудил, что утро вечера мудренее. Выбрал комнату себе по нраву и на кровати мягкой устроился. Долго на перинах ворочался, а наутро сморил его сон беспокойный. Привиделась Иванушке река Смородина, куст ракитовый, да молодец красы невиданной, несказанной. Обнимал он того молодца, целовал уста сахарные, ласкал тело медовое, любовал да миловал. А как скользнул молодец на плоть его твердокаменную да двигаться начал, так любо стало Иванушке, что не смог сдержать он стопа громкого да томного.

- Любишь ли меня, Ванюша, - шепчет молодец, а сам еще пуще на уд его насаживается.

- Люблю, - стонет Иванушка, - люблю, сокол мой ясный.

- Помнишь ли, как имя мое, - не умолкает шепот, в сердце прокрадывается, до души дотрагивается.

Водит ладонями Иванушка по телу белому, прижимает к себе молодца, сжимает ягодицы крепкие, быстрее двигаться принуждая.

- Скажи имя мое, - не унимается молодец, стопами каждое слово перемежая.

Молчит Иванушка, не знает, что ответить. Чует сердце, что знакомо ему имя молодца дивного, а вот высказать его не может.

Опустил молодец ладони на грудь Иванушкину, наклонился к нему низко, поцеловал жарко. Сжал внутри себя плоть его, вверх-вниз двинулся, и закричал-застонал Иванушка от жара все тело охватившего. Еще немного – и предадутся они неге томной, семенем горячим друг друга орошая.

- И-и-имя, - в третий раз застонал молодец, - как... имя... мое..., Ванюша-а-а...

Взглянул Иванушка в его очи светлые, впился устами в шею тонкую, вонзил еще раз плоть свою в тело молодецкое. Застонал протяжно, выплескиваясь, и прошептал имя заветное, само на ум пришедшее:

- Лель мой, чудо-юдо мое ненаглядное.

Встрепенулся молодец в руках его, поднял очи радостные на Иванушку и осыпал поцелуями лицо любимое.

- Вспомнил, вспомнил меня, Ванюша. Люблю тебя, свет мой. Как найти меня у Полянина спрашивай, он все знает, все ведает. Люблю, люблю тебя, родимый мой.

***

В то время как снился Иванушке сон дивный, колдовские чары разрушающий, отдыхали от ночи страстной Кощей Бессмертный и Белый Полянин.

Держит Белый Полянин в своих руках тело смуглое, ласкает да оглаживает.

- Дай отдыху мне, жизнь моя, - просит Кощей, от ласки нежной выгибаясь, словно кот, еще выпрашивая, самому себе переча, - Умаялся я с тобой. Всю ночь мне передыху не давал.

Улыбается Белый Полянин, добавляет к ласкам поцелуи жаркие.

- А сам-то, - молвит, - неужто, не по воле твоей брал я тебя раз за разом? Не ты ли огонь во мне разжигал? А сейчас, неужто, не хочешь меня вновь в себе ощутить. Не твоя ли рука шаловливая на плоти моей сомкнулась?

Стрельнул глазами Кощей, улыбнулся, руки не отнял, продолжая ласки свои бесстыжие. Помнит, как охоч Белый Полянин до игр их жарких, - дразнятся, милуются, а когда уже не вмоготу, бросаются в объятия друг друга, как звери дикие.

Растянулся Белый Полянин на подушках, волю Кощейю давая, к телу руки нежные да уста сладкие допуская. А тот рядышком прилег, пальцами по груди широкой водит, бугорки сосков очерчивает, насмотреться на милого не может. Вдруг замер весь, очи черные распахнул в удивлении, коснулся кусочка янтаря на шнуре витом, серебряном.

- Носишь, - молвит в изумлении, - как есть носишь. На место не возвратил, подле сердца повесил.

- Неужто, ночью не заметил, - улыбается Белый Полянин.

- Не до того было. Не заметил я украшения твоего, мною же и подаренного.

Привлек Кощей к себе Полянин, поцеловал в чело высокое.

- Ношу, душа моя. Берегу, как зеницу ока. С собой в могилу заберу, никому и ничему на свете белом не доверю.

Отвечает ему Кощей, нахмурившись:

- Ничего ты в могилу с собой не заберешь. Душа твоя у меня давно, аль запомнил? А я – бессмертный.

Погладил напоследок камень теплый, повел рукою по телу, обласкал уд, а после вниз скользнул и принялся помогать руке устами своими нежными. Выгнулся на постели Полянин от ласки такой, блеснул на солнце шнур серебряный, да засияла, заключенная в янтарь, тонкая игла.

Совсем раздражили Полянина уста да руки Кошеевы, мечется он по постели, стонет, сквозь пальцы пряди черные пропускает, запутывает. Выпустил Кощей из уст своих плоть твердую, прижался к Полянину и спрашивает хрипло:

- Хочешь, расскажу тебе, как здесь, во дворце твоём очутился.

- Расскажи, - отвечает ему Полянин, а сам его ладонью пониже спины поглаживает, меж ягодичек ласкает. Стонет Кощей, ужом изгибается, но от слов своих не отказывается.

- Не Баба Яга меня в темнице держала, - молвит, а сам на Полянина поглядывает, - ты

десять лет...

- Ш-ш-ш, не нужно, душа моя, прошли эти годы лихие, нет их боле, и не будет. Кто? Сказывай, только, ляг иначе, - потянул, на колени спиной к себе посадил, - вот так хорошо будет. Сказывай.

- Да, - соглашается Кощей, - будет хорошо. Так ты меня еще сегодня-я-а-а... не... м-м-м..., любимый мой, я... после... расскажу, как дело было.

- Нет, коли начал – сказывай, - наказал Полянин. А сам плоть его наглаживает, по слову, по два из Кощея вытягивает, вход в тело милое растягивает, поцелуями по шее странствует. Дотянул Кощей в рассказе своем до встречи с Иванушкой и молит:

- Не медли, Полянин мой милый. Хочу... хочу удаль твою молодецкую... ощутить. Я... после закончу.

Ни в какую не соглашается Белый Полянин.

- Досказывай, - шепчет, - после возьму тебя.

- Напоил меня... Иванушка, я цепи поганые... разорвал, на птице... к тебе отправились. Все, давай, не могу больше! Криком сейчас кричать буду, чтоб взял меня.

Не больно понял Белый Полянин, что за встречей с Иванушкой последовало, ну, да порешил после расспросить, самому уже силы не хватало сдерживаться. Набросился на Кощея, как зверь дикий, вогнал плоть свою в него, до самого нутра, кажись, достал. Изогнулся Кощей под ним, закричал громко, всего в себя принял. Не дал ему Белый Полянин и минутки передохнуть, сейчас же вышел и снова уд свой вогнал. Подогнулись руки Кошеевы, упал он локтями на подушки, оглянулся, поймал взгляд ненасытный:

- Еще, - просит, - точно так сделай.

Развел Белый Полянин ему ягодицы, сам плоть свою раз за разом вгоняет, стонет хрипло. Мог бы – весь век Кошеев бесконечный провел бы с ним так, вбиваясь внутрь милого, али целуя да лаская плоть его, али милуя тело да уста. Еще жарче сделалось Белому Полянину от мыслей таких, еще быстрее двигаться стал. Притянул к себе Кощея, снова на колени посадил, да на плоти своей его двигает, сам на себя насаживает. Откинул голову Кощей назад, на грудь Полянина, стонет едва слышно, уста свои поминутно облизывает. Не вынес такой картины Белый Полянин, повернул к себе его голову, поцеловал уста сахарные. Распахнул очи Кощей:

- Не могу... больше. Мочи...нет. Поласкай... меня. Сильнее... бери..., как... только... ты...

Удвоил силы Белый Полянин, сжал плоть Кошееву, сверху донизу рукою водить начал. Выгнулся Кощей в руках его, вскрикнул, и ощутил Полянин семя горячее на руке своей. Двинулся раз, другой, третий, да спустил и свое внутрь тела Кошеева. Застонал Кощей еще раз, едва слышно, поцеловал, благодарно, уста Белого Полянина. Опустил его Белый Полянин на постель бережно, кудри, растрепавшиеся, с чела убрал, покрывалом укутал.

- Спи, душа моя, - шепчет, - совсем замучил тебя. Я сон твой охранять стану. Никому не отдам боле, зарублю любого, кто позарится.

Улыбнулся Кощей, сквозь полудрему речи милые слушая, да и уснул в тепле да неге, впервые за десять лет.

***

Уж солнце в небо высоко поднялось, когда вышел Иванушка из комнаты, опочивальней ему служившей. Идет по коридорам, ярким светом залитым, а у самого сон из головы не идет. Вспомнил Иванушка Леля своего милого, коего по вине своей лишился, печалится. Думает думу горькую, как бы сокола своего ясного на свете белом сыскать, к сердцу

прижать и не дальше, чем на один шаг от себя отпускать. Тут смотрит, а навстречу ему сам Белый Полянин вышел – хозяин палат белокаменных, дворца высокого да земель окрестных.

- Здоров будь, Иванушка, - кланяется ему Белый Полянин, - гость мой дорогой, милого моего мне воротивший. По гроб жизни обязан тебе я теперь. Братом своим названным величать стану, по праву руку за стол посажу, как мне, так и тебе прислуживать всем накажу. Ступай за мной, брат мой названный, отведаешь угощения знатного да вина заморского.

Повел Белый Полянин Иванушку в трапезную, по праву руку от себя за стол усаживает, яствами невиданными потчует.

Оглядел Иванушка стол богатый, убранство дивное и спрашивает:

- А где Кощей Бессмертный? Неужто, мы без него за стол сядем?

- Отдыхает Кощей, притомился он после дороги вашей долгой да трудной. Не будем беспокоить его, пусть поживает спокойно, в силы свои прежние входит.

Припомнил Иванушка, как домчала их птица Магай до дворца полянского за миг единый, усмехнулся про себя, но виду не подал и словом лишним не обмолвился. Смотрит он на угощения знатные, а у самого кусок в горло не лезет. Не идет у него из головы Лель его ненаглядный.

- Вижу, - молвит Белый Полянин, - воротилась к тебе память, Иванушка, спали чары лихие. Расскажи мне теперь о жизни своей, как ты с Кошеем моим свиделся, вызволить его спрмогся, да по ком сейчас вздыхаешь, не ешь, не пьешь ничего.

И поведал Иванушка Белому Полянину про жизнь свою. Рассказал и про Леля милого, и про встречу с Марьей Моревной. А как упомянул, где Кощей нашел, набежала тень на лицо Белого Полянина, хмурит он брови, королевне месть страшную придумывает. Дальше рассказ ведет свой Иванушка, мертва, мол, королевна. Кощей очами своими жизни ее лишил.

Улыбается Белый Полянин, умеет-де, Кощеюшка. Иной раз как глянет – самому впору оземь падать и мертвым прикидываться. Закончил сказывать Иванушка да и добавил в конце, что отыскать чудо-юдо ему надобно, а где его сыскать – того он не ведает.

Выслушал его Белый Полянин, призадумался:

- А ведь я тебе, Иванушка, помочь смогу. К Бабе Яге придется тебе отправиться. Есть у нее яблочко волшебное, по тарелочке бежит и, что прикажешь, показывает. Мне к ней нельзя – десять лет мы с ней вражду вели, друг на друга войной ходили. Зато тебе от того выгода большая. Как увидишь ее, скажешь, что не станет боле Белый Полянин на нее войной идти, а она за весть эту пусть дорогу к милому твоему укажет.

Поблагодарил Иванушка Белого Полянина да в тот же час к Бабе Яге и отправился. Снарядили его в путь-дорогу дальнюю, дали коня доброго. А напоследок еще пригласил Белый Полянин его в гости к ним захаживать. Вот как отыщет Иванушка чудо-юдо свое ненаглядное, так пусть и заезжает.

Уехал молодец, а Белый Полянин без дела по дворцу послонялся, да в опочивальню к Кошеем и завернул. Посмотрел на милого своего, крепким сном спящего, на тело его смуглое, меж простыней да покрывал белоснежных виднеющееся, на кудри черные, по

подушкам разметавшиеся, стащил с себя рубаху, в постель к Кощею забрался и три дня и три ночи его из комнат никуда не выпускал.

Долго ли коротко ли ехал Иванушка, а приехал в лес, к избушке. Стоит та избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается. Говорит ей Иванушка:

- Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом.

Избушка по его слову повернулась к лесу задом, а к нему передом. Вошел Иванушка в избушку и видит: лежит на печи Баба Яга – костяная нога. Увидела она молодца и говорит.

- Зачем ко мне пожаловал, Иванушка? Волей или неволей?

- Ах, Баба Яга – костяная нога, весть я тебе принес добрую. Да прежде ты бы меня напоила, накормила да в бане выпарила, тогда и скажу тебе.

- И то правда! – отвечает Баба Яга.

Накормила она Иванушку, напоила, в печи выпарила, а тот рассказал ей, что не нужно боле ей с Белым Полянином войну вести, что не будет тот больше с ней враждовать, и что начнется у нее теперь жизнь размеренная да спокойная.

Порадовалась Баба Яга вести доброй и спрашивает:

- Чего хочешь ты, Иванушка, за весть свою? Не просто так тебя гонцом Белый Полянин выбрал. Чего тебе от меня надобно?

- Ищу я, бабушка, чудо-юдо, что на реке Смородине, у моста калинового встретил.

Сказывают, есть у тебя яблочко волшебное, что ему прикажешь, то на блюдечке и показывает. Можно ли в блюдечко твое посмотреться путь-дорогу к чуду-юдо отыскать? Смотрит на него Баба Яга, головой качает:

- Стало быть чудо-юдо отыскать вознамерился. А что же не удержал возле себя душу ранимую? Ну, будет тебе наука. Только, я тебе и без яблочка волшебного путь-дорогу к нему укажу. Сроку у тебя три раза по три дня. Ждет он тебя там, где впервые свиделись. Поторопишься, успеешь, - будете жить в любви и счастии. А как не поспеешь, как перейдет он через реку Смородину по мосту калиновому, так и сгинет. Век тебе его не видать и к груди своей не прижимать.

Услыхал те речи Иванушка, подскочил и из избушки вон бросился.

– Спасибо, бабушка, - на бегу прокричал, на коня взлетел и был таков.

Скакал Иванушка три раза по три дня без передышки. Коня чуть не загнал, себя вкрай уморил. Виделись ему по дороге картины страшные, будто не поспел он в срок, будто ступил уже Лель его на мост калиновый, идет, не оглядывается.

Домчал Иванушка, конь на берег реки Смородины ступил да на ноги и упал. Выбежал Иванушка к мосту калиновому, смотрит, а под кустом ракитовым сидит чудо-юдо его ненаглядное и с того берега глаз не сводит. Страшно стало Иванушке. А ну как не примет его назад Лель, как лицо свое от него отворотит, да и скажет, что не люб он ему боле. Подошел поближе на ногах негнущихся и тихонько так по имени Леля позвал. Повернул голову чудо-юдо, на Иванушку смотрит и не говорит ничего. Еще ближе подошел Иванушка, между Лелем и мостом калиновым встал и молвит:

- Прости меня, сокол мой ясный. Прости, что смогла Марья Моревна в душе моей сомнения посеять. Прости, что не поспел за тобой, не догнал, назад не воротил. Пойдем со мной, мой хороший. Не смотри ты на берег тот проклятый, дай руку мне, уйдем отсюда

подальше.

- Нужен ли я тебе, Ванюша? – отзывается Лель, - Я ведь чудо-юдо поганое. Не человек – нечистый. Люди тебя осудят, покоя нам с тобой не дадут. Оставь меня. Не бреди душу. Дай пройти по мосту калиновому, тебе же легче станет.

Подбежал Иванушка, ухватил его за плечи, обнял крепко и молит:

- Нужен, ой как нужен, чудо-юдо мое ненаглядное. Что мне люди, против силы моей все равно не пойдет никто, не осмелятся они нас трогать. Не ступать тебе по мосту калиновому, не бывать этому.

- Отпусти меня, Ванюша, - во второй раз просит Лель, - Найдешь себе красну девицу, детишек нарожаете, жить, как все, будете.

Отвечает ему Иванушка:

- Не хочу как все, с тобой жить хочу. Без тебя мне жизнь не мила. Не отпущу никуда, не упрашивай.

- Не удерживай меня, Ванюша, - в третий раз просит Лель, - так ли люб я тебе, что ты против всех идти согласен? Может, судьба наша такая. Может, не быть нам вместе.

- Люб, ой люб ты мне, Лель. Что с тобой? Не помнишь что ли ласки мои жаркие да ночи наши страстные? Не ты ли сон на меня наслал любовный? Не ты ли помог мне имя твое вспомнить? Запомнювал, сокол мой ясный, как любил я тебя, как целовал? Вижу, придется напоминать тебе. Вот прямо сейчас и начну, чтобы мысли глупые к тебе в голову не лезли.

- Так не отпустишь меня? – спрашивает Лель, замерев в объятиях Иванушкиных.

- Никуда не отпущу, любимый, родной мой.

Засмеялся чудо-юдо радостно, руками шею его обхватил, к телу прижался.

- Люблю тебя, Иванушка, упрямый мой! Три раза я тебя спрашивал, отпустить меня упрашивал. Кабы засомневался ты хоть раз, кабы разжал объятия - ушел бы я. Ничего бы ты тогда сделать не смог! В жизни не воротил бы меня обратно! А ты... ты только обнимал меня крепче, да уговаривал. Теперь я никуда от тебя не денусь. Коли воли захочешь – убить тебе меня придется.

- Воли, говоришь, захочу? – нахмурился Иванушка, - я тебе сейчас такую волю покажу...

Поднял на руки чудо-юдо, да и отнес подальше от реки проклятой, чтобы еще чего не случилось. Нашел в лесу рощу тихую, опустил на землю чудо-юдо свое ненаглядное и давай целовать уста его медовые, кожу сладкую, грудь белую; соски языком очерчивает, ниже спускается. Лель руками-ногами вокруг него обвился, стонет зазывно, поторопиться упрашивает.

- Чуть не забыл я, Ванюша, как любо мне с тобой, - шепчет, как слепой кутенок к нему ласкается. Одной рукой свой уд обхватил, другой – Иванушкин приласкал. Прижал его к себе Иванушка, уста целует, ягодицы крепкие сжимает. Застонал Лель:

- Погодь, Ванюша, хочу, чтоб смотрел ты на меня, - на траву опустил, развел ноги в стороны, перед взором Иванушкиным открылся. Пальцами сам себя растягивает, для милого готовит. Зарычал Иванушка зверем диким, не утерпел, кинулся к любимому; на живот переворачивает да на колени спиной к себе ставит. Удом помеж ягодиц водит, раздраживает, в теле огонь жаркий разжигает.

- Ну, чего ты..., - Лель к нему прижимается, - истосковался я...

Ухватил его Иванушка крепко, толкнулся вперед. Хотел нежно, медленно, сокола своего любить, да вот простонал что-то Лель, выгнулся, повел бедрами, и всего разом в себя принял. Как с цепи сорвался молодец. Вбивается раз за разом, целует, кусает спину чудо-юдову, одною рукою к себе прижимает, другою в землю упирается. Лель стоны с

криками перемешивает, назад подается, молит, чтобы не кончались муки сладкие. Вот приподнялся Иванушка, за бедра его к себе поближе притянул, не стал вновь уд свой вынимать, да наново вгонять, а принялся взад-вперед двигаться часто. Ласкает плоть твердую, горячую. Сжимает в ладони, по концу капли жемчужные размазывает. Выгнулся Лель, очи широко распахнул, вскрикнул хриплым криком, излился семенем на траву-мураву, да и Иванушкино семя горячее в себе почувствовал. Повернулся, прижался к любимому что есть силы, рассмеялся радостно. Поцеловал его Иванушка:
- Мой, - шепчет, - весь мой. Не пущу никуда, не отдам никому, к себе цепями прикую, сокол мой ясный, чудо-юдо мое, ненаглядное.

Долго еще миловались они в роще тихой. А отдохнув, в обратную путь-дорогу отправились, ко дворцу Белого Полянина воротились. Стали все вместе жить да поживать, да добра наживать в любви да счастии.